

Дайджест

Войска Македонии на марше.

Власти Македонии: албанские боевики под Тетово разбиты

Македонские власти заявили, что военная операция против албанских боевиков в районе города Тетово успешно завершена. По словам официальных представителей из Скопье, сепаратисты отнесены за пределы Македонии в Косово, где с ними будут иметь дело наводские миротворцы из состава КФОР. В частности, для этой цели сформирован усиленный англо-шведский отряд численностью в 400 человек, которым предстоит патрулировать границу между Косово и Македонией, — об этом заявил премьер-министр Великобритании Тони Блэр. Военная операция против албанских боевиков началась в воскресенье. В понедельник репортеры различных изданий лусили в горное село Селце, где находился штаб Национальной освободительной армии повстанцев. Судя по всему, албанцы покинули свой штаб в спешке — там остались несколько единиц вооружения, включая гранатометы и пулеметы.

Македонские войска в знак своей победы вздурили македонский флаг над самым высоким населенным пунктом горы, у подножия которой лежит Тетово, — над древней турецкой крепостью Тейре.

Арестованы 7 человек из окружения Милошевича

Заключены сроком на один месяц семеро высокопоставленных функционеров Социалистической партии Сербии, близких к бывшему президенту Югославии, Слободану Милошевичу и его жене Мирке Маркович. Они были арестованы по обвинению в злоупотреблении властью.

Наводнение в Европе: Париж превратился в Венецию

Из-за многодневных дождей полностью парализовано автомобильное движение на северо-западе и в центральной части Франции. Многие автодороги превратились в реки. В Париже вода затопила улицы, затопила метро, затопила аэропорт. В Париже вода затопила улицы, затопила метро, затопила аэропорт. В Париже вода затопила улицы, затопила метро, затопила аэропорт.

Рейне, Дунае и Майне — поднялся до критической отметки. Все спасательные службы переведены на круглосуточный режим работы. В ближайшие дни ожидается ухудшение погоды в Западной Европе, по словам синоптиков, ожидается шторм. По прогнозам специалистов, на этой неделе осадки продолжатся. Кроме того, как отмечают метеорологи, ситуация может еще больше осложниться из-за таяния снегов. Количество выпавших в марте осадков уже превысило месячную норму в три раза. За последние несколько месяцев это уже четвертое наводнение.

"Бл-Бл-Сл".

DaimlerChrysler реструктурирует систему продаж в США

Германо-американский автомобилестроительный концерн DaimlerChrysler реструктурирует систему продаж в США. Планируется создать пять региональных центров по продажам DaimlerChrysler — в Детройте, Нью-Йорке, Далласе, Лос-Анджелесе и Орландо. В них будут решаться конкретные вопросы маркетинговой и рекламной политики концерна в зависимости от спроса на продукцию DaimlerChrysler в том или ином регионе США. При помощи этого шага DaimlerChrysler рассчитывает преодолеть кризис в американском подразделении концерна Chrysler Group, убытки которого по итогам II квартала 2000 года составили 1,75 миллиардов долларов.

"АК&М".

Израильская армия применила ядовитый газ

Два палестинских офицера были госпитализированы в секторе Газа вследствие отравления газом, который применили израильские войска против мятежников в южной части сектора. Об этом сообщили представители Министерства здравоохранения палестинской администрации Мовия Хасенейн. По его словам, "после того, как пострадавшие пришли в сознание, они страдали от нервных судорог". Журналисты, оказавшиеся на месте столкновений, сообщили, что израильские распылили розовый порошок со сладковатым запахом. Представители палестинской полиции сообщили, что ими собраны частицы порошка. Планируется проведение исследования его состава.

Экологи-активисты не пускают в Германию радиоактивные отходы

Около тысячи активистов экологических движений перекрыли железнодорожную линию, по которой из Франции в Германию должны проехать поезда с радиоактивными отходами. Демонстранты смогли прорвать ряды полиции рядом с немецким городом Лонебург и блокировать линию. В данный момент полицейские пытаются освободить пути. Рядом с городом Нандорф полиция также пытается не пустить демонстрантов к железнодорожному полотну. По сообщениям представителей полиции, там протестующие смогли повредить железнодорожные пути. Поезд, который везет шесть контейнеров с радиоактивными отходами, должен прибыть в Германию в понедельник поздно вечером и, проехав через Лонебург, доставить отходы в ядерный мусорник в Горебене.

"Рейтер".

Элеонора ЕЗЕРСКАЯ:

"Я объявляю вам войну!"

Известная телеведущая Элеонора Езерская объявила Белорусскому телевидению настоящую войну, в которой задействована даже "тяжелая артиллерия" — неприкрытая правда из жизни известных телеведущих, на которых делает ставку новое руководство БТ

О себе

— У меня есть железное правило: понимая, что все идет к разрыву, как бы трудно и больно ни было, стисни зубы, но найди в себе силы уйти на пятнадцать минут раньше, — говорит Элеонора. — Но это относится к мужчинам. С моим любимым и родным белорусским телевидением так поступить не могу... Я хочу работать на телевидении. Могу. И буду.

Мне в этом году исполняется 55 лет. Но выгляжу я неплохо. Пластическую операцию пока не делала, хотя собираюсь. Все буквы русского и белорусского алфавита произношу четко. И вроде бы предам свой музыкальный и актерский талант, потому что долго живу и долго этим занимаюсь. Для эфира это вещи немаловажные.

О "розовоцеком мальчике"

— Понимаю, чего не может простить мне Рыбаков. Когда этот молодой человек с Могилевского телевидения пришел работать к нам большим начальником, был подготовлен проект нового вещания. Например, у нас в редакции на стене висел листочек, где было написано: "Новости культурного наследия". Все промолчали. Одна Езерская в присутствии Рыбакова сказала: простите, это глупость. Как могут быть новости культурного наследия? Все, кто промолчал, сегодня благополучно работают. В отличие от меня. Молодые люди оказались очень злопаметными...

О встречах с Домарацким

— Александр Домарацкий, как оказалось, совершенно трудолюбивый человек. Раньше с ним общался, но теперь его очень не люблю, потому что он смог убедить в двуличности этого человека. Он в глаза говорит одно, а за глаза (в чем был, между прочим, уличен) — совершенно другое. Это самое отвратительное... И он был счастлив задвинуть меня куда-нибудь подальше... Впрочем, понимаю: я и выгляжу лучше, и говорю. Да и голос у меня не такой противный... Может, я слишком самоуверенна, но, поверьте, у меня есть право об этом говорить.

О коммунисте Чикине

— У меня такое ощущение, что те, кто сегодня решают судьбу Белорусского телевидения, хотят решить и мою судьбу. Мне кажется, эти молодые люди хотят меня немножко обЕОРить. Мне это не нравится. И поэтому одному из них недавно заявила: я объявляю вам войну! Да, я не дипломат. Привыкла говорить то, что думаю. Я независима и имею свое суждение.

О последнем белорусском канале

— Я убеждена, что кавалерийским наскоком за четыре месяца новое телевидение создать невозможно. Это можно разрушить, то что создавалось годами. Наш канал сегодня с гордостью называется "Первый национальный". Правда, он же и последний. Другого нет. И сотрудничать, в отличие от Москвы, даже некуда уйти. Я еще лет пять назад сказала: когда на телевидении из семнадцати этаких уберут семь или восемь, то на эфире это никак не скажется. Но убрал не тех. Убрал профессионалов. Неудачных. Тех, кто может и хочет работать. Оставляя послушных. Надежных. Тех, кто смотрит в рот руководству.

У одного сотрудника не так давно состоялся разговор с Рыбаковым. Он спросил: "Какие люди сегодня нужны телевидению?". Он ответил: "Предан-

О себе

— У меня есть железное правило: понимая, что все идет к разрыву, как бы трудно и больно ни было, стисни зубы, но найди в себе силы уйти на пятнадцать минут раньше, — говорит Элеонора. — Но это относится к мужчинам. С моим любимым и родным белорусским телевидением так поступить не могу... Я хочу работать на телевидении. Могу. И буду.

О "розовоцеком мальчике"

— Понимаю, чего не может простить мне Рыбаков. Когда этот молодой человек с Могилевского телевидения пришел работать к нам большим начальником, был подготовлен проект нового вещания. Например, у нас в редакции на стене висел листочек, где было написано: "Новости культурного наследия". Все промолчали. Одна Езерская в присутствии Рыбакова сказала: простите, это глупость. Как могут быть новости культурного наследия? Все, кто промолчал, сегодня благополучно работают. В отличие от меня. Молодые люди оказались очень злопаметными...

О встречах с Домарацким

— Александр Домарацкий, как оказалось, совершенно трудолюбивый человек. Раньше с ним общался, но теперь его очень не люблю, потому что он смог убедить в двуличности этого человека. Он в глаза говорит одно, а за глаза (в чем был, между прочим, уличен) — совершенно другое. Это самое отвратительное... И он был счастлив задвинуть меня куда-нибудь подальше... Впрочем, понимаю: я и выгляжу лучше, и говорю. Да и голос у меня не такой противный... Может, я слишком самоуверенна, но, поверьте, у меня есть право об этом говорить.

О коммунисте Чикине

— У меня такое ощущение, что те, кто сегодня решают судьбу Белорусского телевидения, хотят решить и мою судьбу. Мне кажется, эти молодые люди хотят меня немножко обЕОРить. Мне это не нравится. И поэтому одному из них недавно заявила: я объявляю вам войну! Да, я не дипломат. Привыкла говорить то, что думаю. Я независима и имею свое суждение.

О последнем белорусском канале

— Я убеждена, что кавалерийским наскоком за четыре месяца новое телевидение создать невозможно. Это можно разрушить, то что создавалось годами. Наш канал сегодня с гордостью называется "Первый национальный". Правда, он же и последний. Другого нет. И сотрудничать, в отличие от Москвы, даже некуда уйти. Я еще лет пять назад сказала: когда на телевидении из семнадцати этаких уберут семь или восемь, то на эфире это никак не скажется. Но убрал не тех. Убрал профессионалов. Неудачных. Тех, кто может и хочет работать. Оставляя послушных. Надежных. Тех, кто смотрит в рот руководству.

У одного сотрудника не так давно состоялся разговор с Рыбаковым. Он спросил: "Какие люди сегодня нужны телевидению?". Он ответил: "Предан-

О себе

— У меня есть железное правило: понимая, что все идет к разрыву, как бы трудно и больно ни было, стисни зубы, но найди в себе силы уйти на пятнадцать минут раньше, — говорит Элеонора. — Но это относится к мужчинам. С моим любимым и родным белорусским телевидением так поступить не могу... Я хочу работать на телевидении. Могу. И буду.

О "розовоцеком мальчике"

— Понимаю, чего не может простить мне Рыбаков. Когда этот молодой человек с Могилевского телевидения пришел работать к нам большим начальником, был подготовлен проект нового вещания. Например, у нас в редакции на стене висел листочек, где было написано: "Новости культурного наследия". Все промолчали. Одна Езерская в присутствии Рыбакова сказала: простите, это глупость. Как могут быть новости культурного наследия? Все, кто промолчал, сегодня благополучно работают. В отличие от меня. Молодые люди оказались очень злопаметными...

О встречах с Домарацким

— Александр Домарацкий, как оказалось, совершенно трудолюбивый человек. Раньше с ним общался, но теперь его очень не люблю, потому что он смог убедить в двуличности этого человека. Он в глаза говорит одно, а за глаза (в чем был, между прочим, уличен) — совершенно другое. Это самое отвратительное... И он был счастлив задвинуть меня куда-нибудь подальше... Впрочем, понимаю: я и выгляжу лучше, и говорю. Да и голос у меня не такой противный... Может, я слишком самоуверенна, но, поверьте, у меня есть право об этом говорить.

О коммунисте Чикине

— У меня такое ощущение, что те, кто сегодня решают судьбу Белорусского телевидения, хотят решить и мою судьбу. Мне кажется, эти молодые люди хотят меня немножко обЕОРить. Мне это не нравится. И поэтому одному из них недавно заявила: я объявляю вам войну! Да, я не дипломат. Привыкла говорить то, что думаю. Я независима и имею свое суждение.

О последнем белорусском канале

— Я убеждена, что кавалерийским наскоком за четыре месяца новое телевидение создать невозможно. Это можно разрушить, то что создавалось годами. Наш канал сегодня с гордостью называется "Первый национальный". Правда, он же и последний. Другого нет. И сотрудничать, в отличие от Москвы, даже некуда уйти. Я еще лет пять назад сказала: когда на телевидении из семнадцати этаких уберут семь или восемь, то на эфире это никак не скажется. Но убрал не тех. Убрал профессионалов. Неудачных. Тех, кто может и хочет работать. Оставляя послушных. Надежных. Тех, кто смотрит в рот руководству.

У одного сотрудника не так давно состоялся разговор с Рыбаковым. Он спросил: "Какие люди сегодня нужны телевидению?". Он ответил: "Предан-

ные. Преданные нам, руководству..."

О себе

— У меня есть железное правило: понимая, что все идет к разрыву, как бы трудно и больно ни было, стисни зубы, но найди в себе силы уйти на пятнадцать минут раньше, — говорит Элеонора. — Но это относится к мужчинам. С моим любимым и родным белорусским телевидением так поступить не могу... Я хочу работать на телевидении. Могу. И буду.

О "розовоцеком мальчике"

— Понимаю, чего не может простить мне Рыбаков. Когда этот молодой человек с Могилевского телевидения пришел работать к нам большим начальником, был подготовлен проект нового вещания. Например, у нас в редакции на стене висел листочек, где было написано: "Новости культурного наследия". Все промолчали. Одна Езерская в присутствии Рыбакова сказала: простите, это глупость. Как могут быть новости культурного наследия? Все, кто промолчал, сегодня благополучно работают. В отличие от меня. Молодые люди оказались очень злопаметными...

О встречах с Домарацким

— Александр Домарацкий, как оказалось, совершенно трудолюбивый человек. Раньше с ним общался, но теперь его очень не люблю, потому что он смог убедить в двуличности этого человека. Он в глаза говорит одно, а за глаза (в чем был, между прочим, уличен) — совершенно другое. Это самое отвратительное... И он был счастлив задвинуть меня куда-нибудь подальше... Впрочем, понимаю: я и выгляжу лучше, и говорю. Да и голос у меня не такой противный... Может, я слишком самоуверенна, но, поверьте, у меня есть право об этом говорить.

О себе

— У меня есть железное правило: понимая, что все идет к разрыву, как бы трудно и больно ни было, стисни зубы, но найди в себе силы уйти на пятнадцать минут раньше, — говорит Элеонора. — Но это относится к мужчинам. С моим любимым и родным белорусским телевидением так поступить не могу... Я хочу работать на телевидении. Могу. И буду.

О "розовоцеком мальчике"

— Понимаю, чего не может простить мне Рыбаков. Когда этот молодой человек с Могилевского телевидения пришел работать к нам большим начальником, был подготовлен проект нового вещания. Например, у нас в редакции на стене висел листочек, где было написано: "Новости культурного наследия". Все промолчали. Одна Езерская в присутствии Рыбакова сказала: простите, это глупость. Как могут быть новости культурного наследия? Все, кто промолчал, сегодня благополучно работают. В отличие от меня. Молодые люди оказались очень злопаметными...

О встречах с Домарацким

— Александр Домарацкий, как оказалось, совершенно трудолюбивый человек. Раньше с ним общался, но теперь его очень не люблю, потому что он смог убедить в двуличности этого человека. Он в глаза говорит одно, а за глаза (в чем был, между прочим, уличен) — совершенно другое. Это самое отвратительное... И он был счастлив задвинуть меня куда-нибудь подальше... Впрочем, понимаю: я и выгляжу лучше, и говорю. Да и голос у меня не такой противный... Может, я слишком самоуверенна, но, поверьте, у меня есть право об этом говорить.

О коммунисте Чикине

— У меня такое ощущение, что те, кто сегодня решают судьбу Белорусского телевидения, хотят решить и мою судьбу. Мне кажется, эти молодые люди хотят меня немножко обЕОРить. Мне это не нравится. И поэтому одному из них недавно заявила: я объявляю вам войну! Да, я не дипломат. Привыкла говорить то, что думаю. Я независима и имею свое суждение.

О последнем белорусском канале

— Я убеждена, что кавалерийским наскоком за четыре месяца новое телевидение создать невозможно. Это можно разрушить, то что создавалось годами. Наш канал сегодня с гордостью называется "Первый национальный". Правда, он же и последний. Другого нет. И сотрудничать, в отличие от Москвы, даже некуда уйти. Я еще лет пять назад сказала: когда на телевидении из семнадцати этаких уберут семь или восемь, то на эфире это никак не скажется. Но убрал не тех. Убрал профессионалов. Неудачных. Тех, кто может и хочет работать. Оставляя послушных. Надежных. Тех, кто смотрит в рот руководству.

У одного сотрудника не так давно состоялся разговор с Рыбаковым. Он спросил: "Какие люди сегодня нужны телевидению?". Он ответил: "Предан-

ные. Преданные нам, руководству..."

О себе

— У меня есть железное правило: понимая, что все идет к разрыву, как бы трудно и больно ни было, стисни зубы, но найди в себе силы уйти на пятнадцать минут раньше, — говорит Элеонора. — Но это относится к мужчинам. С моим любимым и родным белорусским телевидением так поступить не могу... Я хочу работать на телевидении. Могу. И буду.

О "розовоцеком мальчике"

— Понимаю, чего не может простить мне Рыбаков. Когда этот молодой человек с Могилевского телевидения пришел работать к нам большим начальником, был подготовлен проект нового вещания. Например, у нас в редакции на стене висел листочек, где было написано: "Новости культурного наследия". Все промолчали. Одна Езерская в присутствии Рыбакова сказала: простите, это глупость. Как могут быть новости культурного наследия? Все, кто промолчал, сегодня благополучно работают. В отличие от меня. Молодые люди оказались очень злопаметными...

О встречах с Домарацким

— Александр Домарацкий, как оказалось, совершенно трудолюбивый человек. Раньше с ним общался, но теперь его очень не люблю, потому что он смог убедить в двуличности этого человека. Он в глаза говорит одно, а за глаза (в чем был, между прочим, уличен) — совершенно другое. Это самое отвратительное... И он был счастлив задвинуть меня куда-нибудь подальше... Впрочем, понимаю: я и выгляжу лучше, и говорю. Да и голос у меня не такой противный... Может, я слишком самоуверенна, но, поверьте, у меня есть право об этом говорить.

О себе

— У меня есть железное правило: понимая, что все идет к разрыву, как бы трудно и больно ни было, стисни зубы, но найди в себе силы уйти на пятнадцать минут раньше, — говорит Элеонора. — Но это относится к мужчинам. С моим любимым и родным белорусским телевидением так поступить не могу... Я хочу работать на телевидении. Могу. И буду.

О "розовоцеком мальчике"

— Понимаю, чего не может простить мне Рыбаков. Когда этот молодой человек с Могилевского телевидения пришел работать к нам большим начальником, был подготовлен проект нового вещания. Например, у нас в редакции на стене висел листочек, где было написано: "Новости культурного наследия". Все промолчали. Одна Езерская в присутствии Рыбакова сказала: простите, это глупость. Как могут быть новости культурного наследия? Все, кто промолчал, сегодня благополучно работают. В отличие от меня. Молодые люди оказались очень злопаметными...

О встречах с Домарацким

— Александр Домарацкий, как оказалось, совершенно трудолюбивый человек. Раньше с ним общался, но теперь его очень не люблю, потому что он смог убедить в двуличности этого человека. Он в глаза говорит одно, а за глаза (в чем был, между прочим, уличен) — совершенно другое. Это самое отвратительное... И он был счастлив задвинуть меня куда-нибудь подальше... Впрочем, понимаю: я и выгляжу лучше, и говорю. Да и голос у меня не такой противный... Может, я слишком самоуверенна, но, поверьте, у меня есть право об этом говорить.

О коммунисте Чикине

— У меня такое ощущение, что те, кто сегодня решают судьбу Белорусского телевидения, хотят решить и мою судьбу. Мне кажется, эти молодые люди хотят меня немножко обЕОРить. Мне это не нравится. И поэтому одному из них недавно заявила: я объявляю вам войну! Да, я не дипломат. Привыкла говорить то, что думаю. Я независима и имею свое суждение.

О последнем белорусском канале

— Я убеждена, что кавалерийским наскоком за четыре месяца новое телевидение создать невозможно. Это можно разрушить, то что создавалось годами. Наш канал сегодня с гордостью называется "Первый национальный". Правда, он же и последний. Другого нет. И сотрудничать, в отличие от Москвы, даже некуда уйти. Я еще лет пять назад сказала: когда на телевидении из семнадцати этаких уберут семь или восемь, то на эфире это никак не скажется. Но убрал не тех. Убрал профессионалов. Неудачных. Тех, кто может и хочет работать. Оставляя послушных. Надежных. Тех, кто смотрит в рот руководству.

У одного сотрудника не так давно состоялся разговор с Рыбаковым. Он спросил: "Какие люди сегодня нужны телевидению?". Он ответил: "Предан-

ные. Преданные нам, руководству..."

О себе

— У меня есть железное правило: понимая, что все идет к разрыву, как бы трудно и больно ни было, стисни зубы, но найди в себе силы уйти на пятнадцать минут раньше, — говорит Элеонора. — Но это относится к мужчинам. С моим любимым и родным белорусским телевидением так поступить не могу... Я хочу работать на телевидении. Могу. И буду.

О "розовоцеком мальчике"

— Понимаю, чего не может простить мне Рыбаков. Когда этот молодой человек с Могилевского телевидения пришел работать к нам большим начальником, был подготовлен проект нового вещания. Например, у нас в редакции на стене висел листочек, где было написано: "Новости культурного наследия". Все промолчали. Одна Езерская в присутствии Рыбакова сказала: простите, это глупость. Как могут быть новости культурного наследия? Все, кто промолчал, сегодня благополучно работают. В отличие от меня. Молодые люди оказались очень злопаметными...

О встречах с Домарацким

— Александр Домарацкий, как оказалось, совершенно трудолюбивый человек. Раньше с ним общался, но теперь его очень не люблю, потому что он смог убедить в двуличности этого человека. Он в глаза говорит одно, а за глаза (в чем был, между прочим, уличен) — совершенно другое. Это самое отвратительное... И он был счастлив задвинуть меня куда-нибудь подальше... Впрочем, понимаю: я и выгляжу лучше, и говорю. Да и голос у меня не такой противный... Может, я слишком самоуверенна, но, поверьте, у меня есть право об этом говорить.

О себе

— У меня есть железное правило: понимая, что все идет к разрыву, как бы трудно и больно ни было, стисни зубы, но найди в себе силы уйти на пятнадцать минут раньше, — говорит Элеонора. — Но это относится к мужчинам. С моим любимым и родным белорусским телевидением так поступить не могу... Я хочу работать на телевидении. Могу. И буду.

О "розовоцеком мальчике"

— Понимаю, чего не может простить мне Рыбаков. Когда этот молодой человек с Могилевского телевидения пришел работать к нам большим начальником, был подготовлен проект нового вещания. Например, у нас в редакции на стене висел листочек, где было написано: "Новости культурного наследия". Все промолчали. Одна Езерская в присутствии Рыбакова сказала: простите, это глупость. Как могут быть новости культурного наследия? Все, кто промолчал, сегодня благополучно работают. В отличие от меня. Молодые люди оказались очень злопаметными...

О встречах с Домарацким

— Александр Домарацкий, как оказалось, совершенно трудолюбивый человек. Раньше с ним общался, но теперь его очень не люблю, потому что он смог убедить в двуличности этого человека. Он в глаза говорит одно, а за глаза (в чем был, между прочим, уличен) — совершенно другое. Это самое отвратительное... И он был счастлив задвинуть меня куда-нибудь подальше... Впрочем, понимаю: я и выгляжу лучше, и говорю. Да и голос у меня не такой противный... Может, я слишком самоуверенна, но, поверьте, у меня есть право об этом говорить.

О коммунисте Чикине

— У меня такое ощущение, что те, кто сегодня решают судьбу Белорусского телевидения, хотят решить и мою судьбу. Мне кажется, эти молодые люди хотят меня немножко обЕОРить. Мне это не нравится. И поэтому одному из них недавно заявила: я объявляю вам войну! Да, я не дипломат. Привыкла говорить то, что думаю. Я независима и имею свое суждение.

О последнем белорусском канале

— Я убеждена, что кавалерийским наскоком за четыре месяца новое телевидение создать невозможно. Это можно разрушить, то что создавалось годами. Наш канал сегодня с гордостью называется "Первый национальный". Правда, он же и последний. Другого нет. И сотрудничать, в отличие от Москвы, даже некуда уйти. Я еще лет пять назад сказала: когда на телевидении из семнадцати этаких уберут семь или восемь, то на эфире это никак не скажется. Но убрал не тех. Убрал профессионалов. Неудачных. Тех, кто может и хочет работать. Оставляя послушных. Надежных. Тех, кто смотрит в рот руководству.

У одного сотрудника не так давно состоялся разговор с Рыбаковым. Он спросил: "Какие люди сегодня нужны телевидению?". Он ответил: "Предан-

ные. Преданные нам, руководству..."

О себе

— У меня есть железное правило: понимая, что все идет к разрыву, как бы трудно и больно ни было, стисни зубы, но найди в себе силы уйти на пятнадцать минут раньше, — говорит Элеонора. — Но это относится к мужчинам. С моим любимым и родным белорусским телевидением так поступить не могу... Я хочу работать на телевидении. Могу. И буду.

О "розовоцеком мальчике"

— Понимаю, чего не может простить мне Рыбаков. Когда этот молодой человек с Могилевского телевидения пришел работать к нам большим начальником, был подготовлен проект нового вещания. Например, у нас в редакции на стене висел листочек, где было написано: "Новости культурного наследия". Все промолчали. Одна Езерская в присутствии Рыбакова сказала: простите, это глупость. Как могут быть новости культурного наследия? Все, кто промолчал, сегодня благополучно работают. В отличие от меня. Молодые люди оказались очень злопаметными...

О встречах с Домарацким

— Александр Домарацкий, как оказалось, совершенно трудолюбивый человек. Раньше с ним общался, но теперь его очень не люблю, потому что он смог убедить в двуличности этого человека. Он в глаза говорит одно, а за глаза (в чем был, между прочим, уличен) — совершенно другое. Это самое отвратительное... И он был счастлив задвинуть меня куда-нибудь подальше... Впрочем, понимаю: я и выгляжу лучше, и говорю. Да и голос у меня не такой противный... Может, я слишком самоуверенна, но, поверьте, у меня есть право об этом говорить.

Мирна КОТЮП.

Фото Юрия БЛОДЮИ.

Р.С. Думается, оппоненты Элеоноры Езерской не станут трусливо отискиваться в "окопах" и нас всех ждет вторая серия "Войны и мира" на БТ.

Я з вамі, мужныя змагары!

25 сакавіка па расійскаму каналу ГРТ паказалі фрагмент расправы мінскай міліцыі з мірнымі дэманстрантамі, якія выйшлі святкаваць 83-я ўгодкі абвяшчэння Беларускай Народнай Рэспублікі. Выйшлі заявіць, што імкунуцца да лепшага жыцця, прасіць перагляду палітыкі ў незалежнай, свабоднай краіне. І нарэшце, каб было ўжо не раз, на дубіні "ахоўніцкай" грамадскага парадку. Тэлекамера дакументальна засведчыла, як "герой" у форме збіваў палкіх лаякачаў — узор "дэмакратыі" па-лусаванскаму на пачатку трэцяга тысячагоддзя.

Жыццё як яно ёсць

"Нацмен"

Тэлефонныя званок

